

ФИЛОСОФИЯ

Михайлов И.А.,
кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
сектора современной западной
философии, Институт
философии РАН

«ПОХВАЛА НАУЧНОЙ СУХОСТИ»: ЭПИЗОД СТАНОВЛЕНИЯ ИДЕАЛОВ ОБЪЕКТИВНОСТИ в XIX веке

Одним из первых современников великих представителей немецкого идеализма, начавшего выдвигать принципы, укрепление и популяризация которых в конечном счете привели к возникновению идеологии позитивизма, был Якоб Фридрих Фриз (1773–1843), немецкий философ, физик и математик. Сегодня Фриз известен как непримиримый противник идеализма (его критика в основном направлена на Гегеля и Шеллинга), столь же ярый антисемит, не менее страстный поборник особого, естественнонаучного подхода к построению философии и решению ее основных проблем.

Его философские воззрения не отличаются глубиной, однако они – прекрасный пример одного из голов того хора, который в конечном счете заглушает идеи немецкого идеализма.

Как указывает сам Фриз, «Похвала научной сухости» (1829) замышлялась в качестве «мягкой критики» философии Гегеля, Фриз посвящает свою речь «похвале научной сухости». Свои идеи он иллюстрирует при этом демонстрацией значения истории философии. Саму историю автор понимает довольно традиционно, как рассказ о последо-

вательности обстоятельств, а также саму эту последовательность» [4. S. 418].

Однако интересно, как он изменяет это видение истории к понятию философии и формулировке ее задач. Сама философия является совокупностью вечных, неизменных истин, а что остается неизменным, не имеет истории. Однако существует смена мнений человечества об этих вечных философских истинах. Эту игру мнений историей называть нельзя, если мы не обнаружим в ней «устойчивых законов развития в направлении достойной цели». Такой целью может быть для любой истории наук лишь «постепенное и все более ясное раскрытие истины» [4. S.419]¹.

Предложив модель «вечные истины – последовательное к ним приближение», Фриз наметил основную идею, на которую он будет опираться: идею прогресса. Подлинная история философии, если таковая и существует, должна состоять в том, чтобы в народах и эпохах происходило постепенное развитие взглядов людей на эту важную истину, все более глубокое проникновение в сущность истинного, благого и прекрасного.

В математике, учении о природе, т.е. науках, которые мы сегодня

¹ Фриз считает, что философские воззрения, «идеи истинного, прекрасного и благого» человек не изобретает (в Китае ли, Индии, Перу или Греции), но именно открывает при достижении им определенного уровня «воспитания». «Они живут в нем, где бы и как бы он ни возвысился до высшего самосознания»; такое раскрытие истин является именно «прогрессирующим» [4. S. 423-424].

называем «естественными»², представить себе такое развитие достаточно легко. Не будет непомерным самомнением сказать: «я понимаю в геометрии больше Эвклида» или «...в астрономии – больше Кеплера». Фриз понимает, что подобные высказывания в философии будут звучать более чем сомнительно. Дать отчет о «прогрессе науки» (Fortschreiten der Wissenschaft) в философии значительно сложнее, поскольку здесь намного труднее отделить суждения о человеке от суждения о степени развития его воззрений [4. S. 420]. Такова уж природа философского познания. Выход обнаруживается в отсечении всего личного – того, что образует характер человека, его взгляды – от области значимого для науки. Да, конечно, «любого философа можно защитить в том, что он утверждает, если только он говорит за самого себя и не вступает в спор» [4. S. 420], можно согласиться, оправдать или восхищаться речами любого философа, но что тем самым достигается для науки? – Науке это ничего не дает [4. S. 423].

Все учения будут представляться одинаково достойными восхищения, история философии окажется подобной калейдоскопу галерей, в которых мы найдем философии Сократа, Платона, Локка, Лейбница, Канта и еще сотни философий другого рода, калейдоскопом персон, мнений и взглядов, относительно

² Фриз предпочитает называть их науками, образующимися в «свободном самостоятельном мышлении» – симптоматическое предложение!

которых нельзя было бы сказать, что одни следует предпочесть другим.

Если прогресс определяется как постепенное и все более ясное раскрытие истины, определяющее значение приобретают понятия ясности и отчетливости языка.

«Лишь слово, образ, ясность мышления и понимание [возможно-го] применения образуют различия» [4. S. 424].

Если в философии Нового времени ясность и отчетливость служила средством разыскания истины, то Фриз, как представляется, эту связь разрывает. Таков первый шаг к интерсубъективности, понятой как интерсубъективность языка.

Философа нельзя спрашивать (как историка, естествоиспытателя, математика): верно ли то, что он утверждает?

Поскольку «соответствия» как критерия истинности философских воззрений указать нельзя, Фриз предлагает следующие другие два критерия прогресса. Прогресс истинности зависит:

- 1) от развития живого языка, в котором движется мысль самостоятельно думающего народа;
- 2) от все более четкого понятийного определения философских мыслей, благодаря которым только и становится возможными понять философские вопросы настолько точно, что лишь вследствие того мы оказываемся в состоянии о них размышлять.

Идея ясности и отчетливости языка вплотную подводит нас к идее о научном сообществе, в котором и для которого эти ясность и отчетли-

вость вообще могут иметь значение. Идею «приватного языка» Фриз не поддерживает³.

Научное сообщество теперь становится формой возможного постижения истины⁴. С требованием ясности языка задана и следующая важная для Фриза идея – той конкретной формы сообщества, ради которой он агитирует за «ясность».

Такое сообщество Фриз называет «философской школой». «Объединенный» тезис, потому, включает в себя – наряду со все тем же требованием «более точного понятийного определения» – «влияние языка *и философской школы* на развитие истории философии». «Развитие философии может сохраняться лишь при великом, живом развитии языка и его духа во всех образованных народах, а также возрастающем влиянии, которое оказывают философские школы на способ мышления и речевую практику (*Redegebrauch*) всего народа, с помощью своей логики постепенно преобразовывая диалектику и риторику народа, приучая его к сопротивлению предрассудкам и, косвенно, к развитию религиозных воззрений»⁵.

³ «Философия [выраженная] на языке, который есть творение единичного человека, а не движитель народного духа (*Volksgeistes*) может представляться сколь угодно великолепной для своего создателя, однако для истории философии она не имеет никакого значения» [4. S. 424].

⁴ «Чтобы наука продвигалась, – заявляет Фриз, цитируя Лихтенберга, – непременно необходимо множество голов, которые бы постигали целое [3. S. III].

⁵ Курсив и разрядка мои. – И.М. Этот тезис ведет Фриза к формулировке одного из наиболее ранних вариантов принципа евро-

Итак, прилежно (*tüchtig*) философствующий должен быть подданным (*untertan*) языка своего народа. Более того, Фриз заявляет:

«Я требую также, чтобы он был *подданным своей философской школы*» [4. S. 428].

Система идеалов и норм основных типов современного философствования выстраивается по довольно сходной логике. От идеи вечности и неизменности истин мы переходим к требованию универсальности, однозначности и ясности языка.

Ясность языка, в свою очередь, логически продолжает себя в идее сообщества, в котором этот язык применяется унифицированно. Стоит ли удивляться, что все эти представления конкретизируются в идее отказа от оригинальности и само-

стоятельности мышления?⁶ Они теперь всецело завязаны на сообщество и, по всей видимости, должны заключаться в комбинаторике, следующей общим намеченным правилам: «тот, кто желает активно включиться в историю философии, должен найти своего наставника (*Vorgmann*), выучиться у него, постичь его метод, — и лишь после этого он может действовать далее, мысля самостоятельно <...> Развитию науки способствовали лишь самостоятельно мыслящие люди школы» [4. S. 429-430].

Таким образом, способствовать «научной сухости» Фриз надеется, разделив «чистые формы» познания истинного, благого и прекрасного (они могут быть определены в качестве истинных *а priori*, в нашем чистом мышлении) — и сферы *применения* философии. Последняя мо-

---

центризма: он считает, что спор между греческими воззрениями на природу и, например, воззрениями зороастрийцев, представителей индуизма невозможен. Последние две культуры должны сперва эмансипироваться от слепой веры в предания, на которые они опираются и «найти свой путь к самостоятельному мышлению» [4. S. 427]. «Любой философствующий, намеревающийся с успехом способствовать развитию своей науки, должен оставаться верным живому языку своего народа и не имеет права тщеславно или своевольно стремиться к изоляции в своем собственном изобретенном им языке» [4. S. 427-428]. «Евроцентризм» Фриза достаточно быстро переходит в воинствующий национализм, когда требование подчинения «духу народа» применяется к другим нациям Европы. Европейские ученые «все время говорят на своем искаженном языке»; следовало бы впредь создавать для них все научные шедевры на иностранных языках, в первую очередь — на немецком, ведь «наша мудрость идет от греков и опосредована латинской [языковой культурой]» [4. S. 428].

---

⁶ Язык философов, претендующий на оригинальность, сродни подобному «ломанному / исковерканному искусственному языку». Предсудительно, потому, хвалить мыслителя, «не принадлежавшего ни к какой школе», «шедшего своим путем» и вообще стремящегося быть непартийным (*unparteiisch*). — Мы видим, что становление идеалов объективности в гуманитарной и сциентистской линии не укладывается в рамки простых схем вроде борьбы, «отрицания» субъективности. Историческая наука XVIII требует объективности как личностной «непартийности», тогда как позитивизм начала XIX в., наоборот, видит возможность объективности («научности») имен в *партийности* ученого, понимая под «партийностью», «подданством» субъективность совершенно иного рода: коммуникативную субъективность профессионального сообщества.

Гете: «Я могу обещать быть искренним, однако непартийным (*unparteiisch*) — не могу». [5. Vol. S. 545] [афоризм 1362 из собрания «Опыт и жизнь»].

жет сохранить свою «святость» лишь в тех, «чистых» областях.

Решение – всецело позитивистское и, заметим, для философии XX века крайне неблагоприятное. Философию теперь должны представлять труды с «сухими, с четко различеными понятиями».

Рассуждения Фриза были важны для нас, прежде всего, в контексте изменений, происходящих в XIX–XX веках, с научным знанием.

Происходят они в первую очередь под влиянием естественных наук, формирующих новые идеалы научного знания, а затем активно предлагающих эти нормы и для знания философского.

Идея научности как идея единообразия, идея единства и тождественности воззрений разрабатывалась с достаточно давних пор. К ее адвокатам можно причислить Г.В. Лейбница, а также найти заявления, выражающие это требование в достаточном большом количестве трудов мыслителей Нового времени.

Однако наиболее знаменитым приверженцем этой идеи был, пожалуй, Рене Декарт. Обратим внимание на некоторые заявления из *Предисловия* и *Введения* к его работам: «Когда я только наблюдал нравы других людей, я не находил в них ничего, на что мог бы опереться, так как заметил здесь такое же разнообразие, какое ранее я усмотрел в мнениях философов» [1. С. 255]. И там же: «Философия разрабатывается, конечно, «превосходнейшими умами», но «...несмотря на это, в ней донныне нет положения, которое не служило

бы предметом споров и, следовательно, не было бы сомнительным...». То, что в разное время высказывалось в качестве догадок, становится отчетливой программой в веке XIX-м, а Якоб Фриз оказывается одним из первых глашатаев нового научного мировоззрения.

С того времени принцип «школы», «ясности», «прозрачности» и «общепонятности» языка станет одним из важнейших постулатов позитивизма и позитивистско ориентированной философии.

В начале XX в. сходные идеи будет высказывать Карл Штумф, один из философских наставников Эдмунда Гуссерля. Штумф, убежденный в единственности объективной истины, полагает, что «к определенному единому строю идей приходит всякий, чье зрение направлено на Величайшее...» и высказывает предположение, что «...единство не есть особая черта отдельных систем <...> а наиболее естественное свойство всякого вполне проработанного комплекса идей» [6].

Эта матрица (или модель) философии сохранит себя вплоть до работ западной философии последних десятилетий и всякий раз будет верным признаком изначально позитивистской основы того или иного комплекса идей.

Наиболее показательной областью, в которой заявляют о себе идеалы единообразия, становится философия. По отношению к ней позитивистский идеал формулируется как требования, обращенные к языку:

- а) intersubjektivej понятности языка;
 б) его универсальности и «единства».
- По сути, любое создание «своего» языка философом, вплоть до введения им уникальной терминологии оказывается под запретом, поскольку вызывает подозрения относительно присущей таковой философии «тоталитарной тенденции».

Список литературы

1. Декарт Р. Собрание соч. в 2-х тт. – М.: Мысль, 1989. – Т. 1.
2. Кант И. Сочинения на русском и немецком языках / Подг. к изд. Н. Мотрошиловой и Б. Тушлингом. – Т. 3: Основоположение к метафизике нравов. Критика практического разума / Подг. к изд. Э. Соловьевым, А.К. Судаковым, Б. Тушлингом и У. Фогелем. – М., 1997.
3. Fries J.Fr. Entwurf des Systems des theoretischen Physik. Zum Gebrauch bei seinen Vorlesungen von Jacob Friedrich Fries. Heidelberg, 1813.
4. Fries J. Fr. Das Lob der wissenschaftlichen Trockenheit. Entwurf eines Vortrages über die Bedeutung der Geschichte der Philosophie // Sämtliche Schriften. Nach den Ausgaben letzter Hand zusammengestellt, eingel. u. mit einem Fries-Lexikon versehen v. G. König u. L. Geldsetzer. Abt. 4. Bd. 20. Aalen, 1969. S. 415-434.
5. Goethe J.W. von. Hamburger Ausgabe in 14 Bänden. 1982. (GoetheHA).
6. Stumpf C. Philosophische Reden und Vorträge. Leipzig: Verlag von Johann Ambrosius Barth, 1910.

Bibliography

1. *Descartes R. Collected Works in 2 vol.* Moscow: Thought, 1989. Vol. 1. (in Rus.)
2. Kant I. *Works on Russian and German / Prep. to publ. N. Motroshilova and B. Tushling. Vol. 3: Basic principle of metaphysics of morals. Critique of Practical Reason / Prep. to publ. E. Solovyov, A.K. Sudakov, B. Tushling and W. Fogel.* Moscow, 1997. (in Rus.)
3. Fries J.Fr. Entwurf des Systems des theoretischen Physik. Zum Gebrauch bei seinen Vorlesungen von Jacob Friedrich Fries. Heidelberg, 1813.
4. Fries J. Fr. Das Lob der wissenschaftlichen Trockenheit. Entwurf eines Vortrages über die Bedeutung der Geschichte der Philosophie // Sämtliche Schriften. Nach den Ausgaben letzter Hand zusammengestellt, eingel. u. mit einem Fries-Lexikon versehen v. G. König u. L. Geldsetzer. Abt. 4. Bd. 20. Aalen, 1969. S. 415-434.
5. Goethe J.W. von. Hamburger Ausgabe in 14 Bänden. 1982. (GoetheHA).
6. Stumpf C. Philosophische Reden und Vorträge. Leipzig: Verlag von Johann Ambrosius Barth, 1910.